

в которых прячутся, выводят потомство и отдыхают после миграций тысячи птиц. Вся рыба Волги, сносимая по течению к Каспию, упираясь в соленое море кишмя кишит на бескрайных плесах и перекатах. Я впервые здесь ловил жереха и сома, а щука, окунь и другая пресноводная рыба были в таком изобилии, что совсем не представляли интереса.

Наша сплоченная группа разбилась по парам на каждую лодку и в сопровождении егеря-моториста рыбачила, где хотела. Мне подумалось, что такое количество егерей — чрезмерная роскошь, но оказалось, что в этих камышовых фиордах можно заблудиться сразу и навсегда. Пойманная рыба отдавалась егерям для засолки и копчения или на кухню для приготовления. Каждый вечер все собирались в кают-компанию за ужином и традиционно обсуждали пережитые впечатления и перипетии прошедшего дня. Шуточки, остроумия, анекдоты, глупости, сальности и пикировки составляли тот волшебный набор сладостных переливов мужского общения, которое русскому человеку дает наиболее полное чувство релаксации и размягчения души. Раскованность и мальчишество, юмор и выпивка в кругу симпатичных тебе людей доставляют «кайфа» не меньше, чем рыбалка как таковая, а даже больше, потому что дружеского общения всем нам остро не хватает в обычной жизни.

Скажу по себе, мне трудно было перейти от обычной московской застегнутости к этой мальчишеской веселости, милой болтовне и не злым пикировкам. Должен отметить, что Андрюша, который был так несносен в первый день, оказался вполне приятным парнем, без каких-либо пьяных загулов, напугавших нас. Эти два живчика (Андрей и Саша), составившие один экипаж, каждый вечер веселили нас до слез

своими рассказами о приключениях в течение дня. Например, как в условиях рыбалки с лодки справиться с нуждой, как это сделать женщине и т.д. Весь этот милый бред страшно забавлял всех, кроме двоих. Его философски безразлично слушал отец Сергея — невозмутимый мужчина-врач, старший среди нас всех, да сын Михаила — милый мальчик лет десяти-двенадцати. Мне тоже было трудно в свои шестьдесят окунуться с головой в беззаботный треп, хотя с каждым днем это давалось все легче.

Этот сом вблизи напоминал наблюдателя за земной цивилизацией, заброшенного к нам с какой-нибудь Альфы Центавра. Он был воплощением иной эстетики и иной среды обитания. При таких размерах казалось, что в его маленьких глазах светится разум другой формы жизни. Глядя как он угасает, неожиданно возникло чувство содеянного душегубства.

Михаил с сыном были рыбаками другого уровня, во всяком случае отец, хотя, я полагаю, и сын со временем станет таким же виртуозом Рыбалки. На моих глазах Михаил часами, вооружившись подводным ружьем, в маске и гидрокостюме, бороздил заросли камыша в устье Волги на границе с Каспием и удачлив был невероятно. Такой крупной рыбы, какую он добывал, взять на спиннинг было

невозможно. Судаки, Сазаны и Сомы были чудовищной величины и в таком количестве, что тягаться с ним было невозможно. На таком фоне мы выглядели простыми любителями.

Однажды Михаил поймал сома величиной в свой рост и долго с ним боролся, пока не мы подоспели и не помогли ему втащить живой еще трофей в лодку. Это был просто монстр. Я попробовал тоже приобщиться к подводной охоте, поплавал среди тростника в мутноватой воде, но не смог заставить себя лезть в этих подводных джунглях с ружьем, рискуя столкнуться нос к носу с какой-нибудь щукой или сомом гигантского размера.

Время текло в трудах и заботах. От нещадного солнца мы покрылись кто волдырями, кто загаром. Солнце постепенно убирало с ухоженных московской жизнью физиономией цивилильный лоск и неумолимо превращало нас в часть этого вы-

жженного солнцем мира. Я обгорел сразу, и все последующие дни закрывался от безжалостной радиации. То, что закрыть не удавалось, например, руки до локтей, невыносимо болело, как от сильнее ожога. Но рыба клевала так, что обо всем забывалось. Было ее так много, что большинство приходилось отпускать обратно. У нас в Карелии рыбалка поскуднее, и поэтому каждый трофей желанен. Да и рыба, выросшая в ледяной воде карельских озер, на мой взгляд, более вкусна. Здесь же лов превращался просто в развлечение, поэтому лично мне через некоторое время он стал неинтересен.

Просьпаясь утром от шелеста камышовых зарослей под палящим солнцем, в лучах которого водный мир буквально кишит жизнью, с мириадами мальков и тучами прочей живности, невольно впитываешь энергию бурлящей, огромной акватории. И, несмотря на жесточайшее солнце и раскаленный воздух, чрезмерные для моей северной конституции, невольно проникаешься величием и уникальностью этого аномально жизнотворного региона, в котором обилие рыбы является лишь ничтожной частью всей экосистемы. Здесь разнообразна и жизнь надводная: стаи лебедей, спокойно демонстрирующие свою грацию, пеликаны с характерными горловыми мешками для рыбы, вездесущие бакланы, орлы, водоплавающее зверье и т.д.

С дымчато-серым отливом, намазанная на хлеб с маслом черная икра напоминала гору Эверест на тонком ломтике и с трудом помещалась во рту, рискуя налипнуть на усах. Есть уже не хотелось, но сознание того, что это редкий и дорогой деликатес, заставляло отправлять ее в рот снова и снова. Чувства насыщения и жизненной силы потом хватало на сутки.

В общем почти все то, что и называется жизнью на Земле, если вспомнить что вся она рождена водным миром.

Накануне отъезда нас пригласили на пикник егерь, знакомый Сергею еще по предыдущим заездам. Поскольку он уже не работал в отеле «На песках», мы встретились на нейтральной территории. Посреди выжженного солнцем мира это, возможно, был единственный клочек тенистой земли под кронами тополей. Вода была вокруг, и достаточно было ткнуть палку в землю, чтобы понять что она к тому же бук-

вально в дюйме под ногами. В этом местечке для особо избранных мы слушали пение зяблика и не могли дождаться, когда же оно сменится ревом мощного мотора возвращающейся самой скоростной лодки, посланной нами в ближайший населенный пункт, когда выяснилось что для пикника есть все кроме водки. Под шутки, смех и взаимные подколы мы ели осетрину, запивая ее астраханской водкой «Камер-

тон» и наслаждались минутой прохлады. На обратном пути, будучи уже изрядно навеселе, мы искупались в теплых водах среди кувшинок. Вернувшись домой я вдруг почувствовал сильнейшее опьянение и уснул в номере, не появившись к ужину.

В последний день мы сфотографировались на память с Валей — нашей официанткой, мощный бюст которой был постоянным объектом всеобщего изумления; Леной, по-

